

Пётр Червинский

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

czervinski.piotr@gmail.com

**О мотивационной соотносительности
лексико-семантических дериватов
(на примере одного славянского корня). *Chol- и его производные**

**On the Motivating Relation of Lexical-Semantic Derivatives
(One Slavonic Root as an Example). *Chol- and its Derivatives**

Резюме

С привлечением этимологического, исторического, диалектного, а также современного общепотребительного литературного материала рассматривается семантика, в первую очередь, русскоязычного корня *хол(о)-*, отчасти в сопоставлении с рядом славянских языков в контексте особенностей и отличия. Последовательно выводится общее и типичное в значениях таких слов, как *холостой*, *холон*, *холуй* и др. На базе этого общего прослеживаются далее возможные ответвления в развитии исходных значений. Обращается внимание на специфику не выделяемых уже в настоящее время суффиксов *-ст-*, *-н-*, *-уй* и подобные, с представлением их воздействия на семантику корня при формировании лексем. Анализ подводит к возможности выделения парадигматико-концептуальной схемы и потенциала, лежащих в основе моделирующего развития определяемого круга слов с опорой на их корневую семантику. В завершение выводится и представляется в наглядном типологическом виде, с опорой на составляющие семантические признаки, указанная концептуальная схема-модель для семантики *холостой* в отношении русскоязычного ареала, с учетом общепотребительных и диалектных употреблений.

Ключевые слова: семантика корня, этимология, диалекты, языковое сознание, парадигматико-концептуальный потенциал, развитие значений.

Summary

This article discusses the primarily Russian root *хол(о)-* based on the etymological, historical, and dialectal material as well as contemporary literary common language. The material is partly contrasted with some Slavonic languages in terms of features and differences. Common and indi-

vidual features are highlighted within the meanings of such words as *холостой*, *холоп*, *холуй* and others. This is taken as a starting point for revealing further possible branches in the development of the original meanings. The author focuses on the specificity of the suffixes that are not currently isolated, *-cm-*, *-n-*, *-yü*, and similar. The author also shows the influence of these suffixes on the root semantics in the process of shaping lexems. The analysis demonstrates that it is possible to identify a paradigmatic-conceptual scheme and potential which underlie the development model of the word range in question and the semantics of their root. At the end, the scheme is shown in an illustrative and typological perspective next to the semantic features of the *холостой* lexem. The conclusions address the Russian linguistic domain covering the usage in the dialects and in the common language.

Keywords: the root semantics, etymology, dialects, linguistic awareness, paradigmatic-conceptual potential, development of meanings.

Даль в своем словаре помещает как связанные для слова *халу́й* (*халу́йка* ж. р.) такие значения: «бран. (бранным это слово в данном значении было уже тогда – П. Ч.) *холуй*, слуга, лакей, холопъ, подлый родомъ и приемами». Из этого следует, что и слуга, и лакей, и холоп, но не просто, не только, а такой, который подлый родом и одновременно приемами. Происхождение переходит на признаки и черты поведения, а с этим также характера (что для все тех же средневековых еще представлений отнюдь не случайно). Далее в его словаре помещаются как областные в той же статье:

|| *Твр.* отруби и мѣятка для скота. || *Вят.* соръ, дрязгъ, наносъ отъ разлива, коимъ заволакиваются луга. || *Холуй*, *холу́йникъ*, плетень рыболовный, язъ, езь или заезокъ, *арх.* см. *хламъ* и *хлудъ*, общ. корня. || *Халу́й*, *халу́йнь* пск. грибъ валуй. ... *Халу́йнь* тотъ же халу́й, невѣжа, грубый неучъ, хамъ; || лакей. *Не балуй, халу́й: барину скажу!* || Чурка, свинка, для игры въ городки. *Изъ осиноваго дышла тридцать три халуя вышло* (Даль, 2000, 4, 541).

Это последнее с тридцатью тремя *халуями*, с учетом языковой игры и не только, вполне может быть отнесено к *халую* и в первом его значении.

Показательно то, что слова *холуй*, равно как и *халу́й*, в этом первом значении в *Материалах словаря древнерусского языка* у Срезневского не встречается. *Холуй* имеется, но дается без объяснений, со знаком вопроса и с таким интересным примером: «**холви** – ? – Ни горы, ни хольма видѣти, ни холѡл, ни етеры земля. *Ю. Злат. о Юс. Прекр. по сп. XV в.* – Ср. Вятск. халу́й – наносъ отъ разлива, коимъ заволакиваются луга. (Д.)» (Срезневский, 1958, III, стлб. 1385–1386). То есть с отсылкой к Далю, но без толкования значения в древнерусском. Остается неясным вопрос, почему *холви* в приведенном Срезневским примере стоит в общем ряду с горой и холмом при обобщении ни какой-либо (ни етеры) земли? Не вполне логичным было бы представлять – ни горы, ни холма не видать, ни наноса от разлива реки, ни какой-либо земли. Однако оставим этот вопрос без ответа.

П.Я. Черных в своем словаре по понятным причинам дает только то значение, которое не областное ('слуга', 'лакей' и его производные), отмечая, что:

В других слав. яз. отс. (кроме русского, украинского и белорусского, а тем самым, и др.-рус. происхождения – П.Ч.). В русском языке слово *холуй*, по-видимому, старое, хотя в памятниках др.-рус. письменности не засвидетельствовано (отсюда отсутствующее его толкование у Срезневского – П.Ч.). Но ср. прозвище *Холуй*, отм. Тупиковым (416): «Федко *Холуй*, крестьянин», 1500 г. В словарях русского языка слова *холуй*, *холуйский* (по акающему произношению: *халуи* и пр.) (чередование *o > a* Черных объясняет аканьем) отм. с 1847 г. (Черных, 1999, II, 349).

Этимологию Черных выводит от того же корня «*chol-*, что и в *холоп*, *холостой*, польск. *rascholak* «слуга», «приспешник», ист. «солдат», «оруженосец». В абляйте **chal-*Ср. рус. *нахал* (см.), *подхалим*». (Черных, 1999, II, 349). *Этимологический словарь славянских языков* дает широкий спектр значений со ссылками на соответствующие источники, которые опустим:

Холуѣ: чеш. диал. *choluĵ* м. р. 'подстилка из листьев, мелкие ветки' ... *choloj* ж. р. 'сушеные липовые или другие ветки, которые зимой дают овцам для обгладывания листьев, а затем сжигают' ... в.-луж. *choluĵ* м. р. 'плуг' ... н.-луж. *chóluĵ* м. р. 'плуг', также диал. *chóluĵ* м. р. ... польск. *choloj* 'стебель, холудина' ... русск. *холуѣ* м. р. 'хам, слуга, лакей', диал. *хóлуѣ* м. р. 'нанос разного сору весенней водою' (перм. ...), *холуѣ* 'опилки, отруби, высевки низшего сорта' [ряз.] ... *холуѣ* м. р. 'бездельник, лентяй' ... Ср. еще *хóла* ж. р. 'карча на дне Днепра' (херс., Даль ...). (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 33).

Появились слова того же корня – *холудина* (стебель) и *хóла*. В отношении этимологии, о чем уже писалось, говорится о суф. *-uĵь* при корне **chol-* в его связи к **choliti*, с одной стороны, и **cholĵь*, **cholrĵь*, **cholstĵь*, с другой, с объединяющим их все значение 'стричь, резать', а также существенным для разбираемого материала представлением о том, что «Концепция нескольких омонимов *холуй* различного происхождения, представленная у Фасмера (IV, 258–259), избыточна¹» (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65). Отмечается также, со ссылками на А. Брюкнера, Т. Лер-Сплавиньского и ряд других, происхождение от праслав. **chol-* 'ограждение'. (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65). К чему можно добавить (при аканьи?) *халуѣга*, с вопросами у Даля: «црк. изгорода въ полѣ? *Изыди на пути и халуѣги*. Лук. || Стар. улица?» (Даль, 2000, 4, 541). И у Срезневского, с тем же иллюстрирующим примером, но с объяснением без вопросов: «*халѣвга* – тынь, изгородь ... Ср. *Халѣги* шплотки, *оубогих* хатки...» (Срезневский, 1958, III, стлб. 1359).

¹ М. Фасмер в своем словаре дает четыре омонима для *холуй*, с различными внутри значениями и предположительными объяснениями этимологий, включая заимствования из финского для трех. Не будем, однако, углубляться в их анализ.

В результате *холуй* в силу своей многозначности, не признаваемой омонимами в *Этимологическом словаре славянских языков*, и, видимо, не случайно, с той оговоркой, что эти значения находят свое отражение в говорах разных славянских, не исключая при этом и русского языка, а в значении, сохранившемся и общеупотребительном, это бранно-презрительная характеристика прислужника-подхалима, – с учетом подобного рода своих проявлений и семантических обстоятельств данное слово предполагает вопрос двойного, точнее тройного, характера. Во-первых, как можно связать и можно ли связывать все эти значения между собой в какую-то объяснимую схему, с развитиями и переходами между значениями внутри. Во-вторых, чем и как объяснить и можно ли объяснить, поскольку подобного объяснения по приведенным словарным источникам не находим, то, что *холуй* для обозначения человека этимологически, как получается, связывается, а следовательно и тем самым, деривативно (что первое, что не первое, остается при этом вопросом), с теми значениями, которые означают объекты природы либо (как отруби, сечка) произведенное как продукт человеческой деятельности. В *Словаре русских народных говоров* (о чем еще будет речь) по понятным причинам слова подобного рода и общего происхождения с суффиксом *-уй* при варьирующемся корне *хол-* / *хал-*, в том числе и в отношении ударения, представлены в разных словарных статьях, т.е. рассматриваются как омонимичные. И, наконец, последнее, в-третьих, в чем состояла бы роль и как объяснять столь многообразное действие суффикса *-уй*, (*-ој* в ряде других славянских) при разбираемом общем корне, и сами его значения (если отталкиваться от позиции *Этимологического словаря славянских языков* с учетом единого происхождения), – как многозначность или омонимию?

Все эти вопросы можно поставить, но невозможно решить в пределах сравнительно небольшой по объему работы, поэтому смысл их представления сводился бы к двум методическим положениям. К тому, что семантика корня и далее слова связывается первоначально, а затем и определяется тем формантом, который к этому корню присоединяется. Положение само по себе тривиальное и понятное, с тем существенным для разбираемой задачи уточнением, что корень в своей такой, а не другой семантике, точнее в своем таком, а не другом семантическом ответвлении, ‘ищет’ и с этим далее находит тот суффиксальный, как в данном случае, морф, который ему для передачи значения необходим. Иными словами, *хол-* / *хал-* (с ударением либо без, но для русского языка) для выражения того, что будет выражено далее в форме *холуй* / *халу́й* / *хо́луй* / *ха́луй*, не случайно соединяется с *-уй*, и соединение это следует из того, что данный формант привносит. Тем самым, то, что *холуй* для русского языка (ограничимся только одним не диалектным и не древнерусским значением) означает прислужника-подхалима, следует, что понятно, с одной стороны, из семантики корня *хол-* в соединении его, с другой стороны, с семантикой суффиксального морфа *-уй*, и никак не иначе. Все это было бы первым из двух упомянутых положений.

Вторым будет то, что, приближая к поставленной задаче, предполагает как отвлечение от формальных сторон выражения тех или иных значений, определяемых как многозначные либо омонимичные, так и вхождение в область не то, чтобы иного рода и от всего того удаленную, но такую, которая может действовать и, как предполагается, действует, по крайней мере отчасти, сама по себе, и которая, действуя данным образом, с одной стороны, за всем этим стоит, направляя и управляя, а с другой, всем этим, в конечном и не в конечном итоге, насыщается, формируется и оформляется. Область эта была уже обозначена, и это то, что было охарактеризовано как парадигматико-концептуальная матрица и с нею потенциал. Рассмотрение этого потенциала может создать соблазн допускаемой изолированности его от формально-вербальных сторон, ибо можно начать рассуждать умозрительно о том и другом в отношении семантики, не связывая себя словарно отображаемыми ограничениями. Избежать такого соблазна (не избежав при этом возможных неточностей и не до конца обоснованных определений, что может касаться, впрочем, чего угодно, и предположительность достоверных и недостоверных этимологий подобное хорошо иллюстрирует), избежать такого соблазна позволяет опора на материал, как в его формально передаваемом, так и в семантическом виде.

Исходя из сказанного и возвращаясь к предмету, в данном случае к форме (условно) *холуй* в ее семантических, в первую очередь, вариациях, те направления, о которых шла речь, можно было бы, прежде чем их свести к чему-то единому, представлять в таком проявлении, без соблюдения на данном этапе последовательности, если таковую исходно гипотетически и отчасти спекулятивно предполагать, как существование, но не как однозначное разрешение:

– Для человека – все то, что, скажем, с учетом 12-ти значений, представленных в *Словаре русских народных говоров* (2019, 51, 231–232), но не только в нем, отображает его в оценочно-неприязненном виде (рассмотрение их всех заняло бы немало места), следующем из того, что это значение, как первое и общеупотребительное (но, может быть, не первоначальное?), характеризуется в русском в терминах ‘слуга’ и ‘лакей’. Для нас будет важно увидеть и вывести, что за этим, за тем, что ‘слуга’ и ‘лакей’, с учетом далее приводимого, при условии его не случайности, будет стоять.

– Для природных объектов растительного, в первую очередь, происхождения – в чеш. диал. ‘листья и мелкие ветки’, используемые для скота (подстилка, еда), сюда же польск. ‘стебель’ и рус. ‘сор, нанесенный весенней водою’, иными словами, все то, что содержит в себе представление о мелком, разрозненном, в массе либо раздельности, сыпучей, как бы так, обособленности, видящейся, ощущаемой таковой. Однако может быть и не мелкое – ср. ‘деревья, залитые водой при разливе рек’ (волог.), ‘наносные деревья на берегах рек или моря, груды таких деревьев’ (якут.), ‘завал, затор на реке, из поваленных деревьев, их обломков и другого мусора’ (перм.), а также на

основе подобного представления – ‘сор, хлам, беспорядок’ (перм.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 233). Представленная в массе разрозненность, собранная ‘рассыпанность’ более или менее однородных объектов, по крайней мере, в их обобщении мыслящихся таковыми и таковыми отображаемых, одновременно с этим становится тем, что мешает, препятствует, громоздясь, создает беспорядок, иными словами, не нужное, мало пригодное, лом и сор. Можно увидеть при этом, если не переход и развитие в признаках, то их соположенную соотнесенность – ‘масса’ чего-то ‘мелкого’ либо ‘не мелкого’, ‘перемешанного’, ‘нагроможденного’, ‘нанесенного’, в том числе в ‘беспорядке’, но, возможно, ‘отдельного’ (польск. ‘стебель’), что может использоваться ‘для скота’ (корм и подстилка), создавать ‘завал и затор’.

– Для объектов человеческой деятельности – также мелкое и сыпучее и используемое как корм для скота – рус. диал. ‘отруби в смеси с мукой, сечка с мякиной’, ‘опилки, отруби, высевки низшего сорта’. Это и предыдущее объединяет общее представление ‘сечки’ и ‘рубленности’.

– Для орудий – в.-луж. и н.-луж., то, чем ‘режут’, инструмент для вспашки земли – ‘плуг’; рус. диал. ‘рыболовный плетень’ (по своему виду – ‘сетка’).

– Для природных объектов ландшафтно-топографического характера – то, что, как в представлении польск. ‘стебель’, видится как обособленная отдельность на фоне чего-то другого, что, выступая, обращает внимание на себя, возможно, бросаясь в глаза, – ‘подводный камень, заметно выступающий на дне реки’ (арх.), ‘высокое место, возвышенность’ (вятск.), ‘островок на реке’ (волог.), ‘одинокое поселение, однодворок’ (волог.), ‘огороженное место в речке четырехугольной формы, где весной ловят рыбу’ (арх.), ‘участок пашни, луга, леса’ (вятск.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 233).

Итак, перед нами имеется общий корень, оформленный дополнением, также общим, суффиксом *-ij / -oj*, в таком формальном единстве, как слово, имеющий отражение в применении к объектам пяти различаемых видов – человеку; природным растительным формам; тому, что получено человеком из продуктов природно-вещественного происхождения; орудиям, созданным человеком; объектам ландшафта, как естественного, так и искусственного происхождения, т.е. того, что создано человеком.

Если принять во внимание то, что в основе всех частных значений данного корня, согласно *Этимологическому словарю славянских языков*, лежит значение ‘стричь, резать’, то какова будет роль суффиксального *-ij / -oj*, исходя из представленного. Это, во-первых. И тогда, во-вторых, не то и не столько то, какие признаки и подпризнаки все это будет объединять, сколько, с учетом возможных обозначаемых объектов в их пяти перечисленных разновидностях и поэтому связанных с их характером и природой, как эти признаки и подпризнаки можно организовывать и, организуя, подразделять. Из чего будет следовать далее то, что было бы в-третьих: что представлял бы

собой в этой части тот парадигматико-концептуальный потенциал, который во всем перечисленном нашел свое выражение, соответствующим образом отобразив себя в действии.

Оттолкнемся в своих рассуждениях от последнего. Если не сразу так, чтобы в сознании, то в ощущении имеется представление о дроблении, ‘сечении’, резании, ‘рублении’, которое может далее соотноситься с представлением о массе и веществе, полученных в результате дробления² либо имеющихся как таковое само по себе. ‘Дробление, сечение, резание, рубление’ далее себя соотносит: а) с тем, что такое вываливающее наружу крошение, скажем так, может производить (в.-луж., н.-луж. ‘плуг’), равно как и с тем, что б) подобному действию по природе своей поддается либо в таком порубленном и поваленном, сеченном, резанном виде уже предстает (сюда войдут объекты растительные и вещества человеческой деятельности, ‘отруби, сечка с мякиной’ и пр.). Идея массы и вещества, наблюдаемого, видимого вещества как сливающейся для восприятия массы, но вещества и массы не столько в физическом и материальном смысле, сколько в не различаемой ‘вещественности’ для ощущения, как в позиции с ‘плугом’, но не в отношении режущего производителя, а как отдельности, выставяющей, выпячивающей себя на фоне его окружающей ‘сечки’, – эта идея может себя объявлять в ‘выстающем’ на фоне всего остального сингулятиве. И тогда появляется то, что было отмечено для объектов ландшафтно-топографического характера и, пусть не покажется это странным, для человека – *холуй* как ‘хам’, ‘слуга’ и ‘лакей’, ‘подлый происхождением и приемами’, отдельность вещественности на фоне неразличимой массы не одного только низшего социального вещества, но и его в этом случае также.

Тем самым, в итоге, за всем этим можно увидеть такую парадигматико-концептуальную схему (признаки следует понимать обобщенно):

Ощутимы и значимы переходы между позициями по основаниям от дробления-сечения-резания к орудию как тому, что его производит, и к веще-

² К этому очень подходит польск. *w drobny mak stłuc, rozwalić coś* (о хрупких предметах), а также *stłukło się, rozsypało się, rozpadło się, rozwalilo się*.

ству как полученному его результату, метонимические по природе своей³; от орудия, как выставляющейся на фоне произведенного им вещества, к единичности, орудие и вещество в этом случае совмещаются в представлении (трудно было бы говорить в данном случае о метонимии, вместе с тем это и не метафорический переход⁴). И последним шагом было бы от единичности, выставляющейся на фоне ее окружающего, не различаемого зрением, либо внутренним зрением, мнением, ощущением, отношением, массовидного вещества, к тому, что себя таковым объявляет.

В соединении всего этого можно было бы видеть, с учетом корневого значения 'резать, сечь', и роль суффиксального *-ij / -oj*. Однако прежде чем к заключению, связываемому с этим, прийти, видится небезразличным для сопоставления смыслов, вносимых суффиксами, рассмотреть, то, что привносит в значение исходного корня *хол(о)*- суффиксальный морф *-ст-* в *холост(ой)*. Следует также напомнить при подобном анализе и то, о чем, впрочем, уже говорилось. Для парадигматико-концептуальной схемы неважно (но не для этимологий), находит или не находит в них свое отражение тот или иной параметральный ее поворот, что первичное, а что вторичное, достоверно или не достоверно этимологически объясняемое и выводимое.

Говоря, что неважно, необходимо иметь в виду определенную условность этой неважности, поскольку, если что-либо выведено в этимологическом отношении, а тем самым, и существует, существовало, как несомненное, служить оно может свидетельством и подтверждением не то, чтобы несомненности парадигматико-концептуального существования и присутствия данного обстоятельства, парадигматико-концептуальное может существовать и без него, служить оно может и будет способности данного параметрального положения себя отражать, передавая и выражая себя, в том числе, и на формально-вербальном уровне. Иными словами, видя и наблюдая действие парадигматико-концептуальной схемы как нечто самостоятельное и самодовлеющее, не следует его отрывать от того, в чем это действие

³ Все большее внимание, после метафоры, при изучении деривативных явлений внимание уделяется метонимии, которая начинает рассматриваться как значимый когнитивный процесс. См. такие известные по теме работы, как (Lakoff, Johnson, 1980), (Kövecses, Radde, 1998), (Dirven, 2002), (Croft, 2003). По замечанию Е.Я. Бадеевой, со ссылкой на работы Дж. Тейлора и Г. Палмера, «метонимия оказывается одним из самых фундаментальных процессов расширения значения, возможно, более основополагающим, чем метафора» (Бадеева, 2004, 42). Попытки исчислить засвидетельствованные в языке модели метонимических сдвигов обстоятельно даются в работе (Peirsmann, Geeraerts, 2006).

⁴ Не определяя в данном месте того, что стоит за таким переносом, поскольку не в этом состояла задача, а тип переноса значения бы не имел, обратим внимание на то, что, помимо привычных метафоры и метонимии, при изучении процессов дериватологии выделяют также генерализацию и специализацию, или расширение и сужение значений. См. об этом такие классические работы: (Ullmann, 1963), (Гак, 1972), (Dirven, Verspoor, 1998). Об еще одном типе пишут Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.С. Карпова (2010).

свое отражение находит или может найти. Недостоверность той или иной этимологии в отношении того или иного формального элемента, будь то корень, суффикс, другой какой-либо морф не может служить отрицанием наличия выводимого признака для сознания. Признак этот, существуя в сознании, может себя в данном случае не отразить, отразив (а возможно, и не отразив) себя в чем-то другом.

Для рассмотрения представлений, следующих из значений выбранной для анализа, как проявленной, формы рус. *холост(ой)* видится целесообразным обратиться к тому материалу, который нашел свое отражение в *Словаре русских народных говоров*, сведения из которого уже привлекались при рассмотрении такой же семантики у *холуй*. Значимый и не безразличный с точки зрения стоящей задачи плюс подобного обращения заключается в том, что материал выбираемого словаря разносторонен и множествен, передавая, тем самым, то, что объективно уже существует, будучи выражено в пределах распространения одного языка. Материал этот можно и стоило бы расширить для полноты предполагаемой картины, добавив свидетельства говоров всех остальных славянских, однако задача подобного рода, при ее несомненной желательности, была бы на данном этапе неподъемной по многим причинам. В связи с этим то, что предполагается вывести на материале одного языка, необходимо рассматривать как фрагмент более полной славянской картины, цель представления которого имеет иллюстративный характер и намечающийся вид в отношении возможной в последующем перспективы.

Отвлечемся от образований с производящей основой *холост-* в словах типа *холостёжь* ‘холостые, неженатые и незамужние’ (по разным говорам), ‘бездетность’ (новосиб.), ‘налог на бездетность’ (морд.), ‘молодняк рогатого скота’ (иркут.), *холостёл* ‘холостой парень, холостяк’ (ср.-уральск.), *холостіна* ‘яловая корова’ (омск.), *холосток* ‘рыба самец’ (арх.), *холосту́нья* ‘женщина, не рожавшая детей’ (перм.), *холосту́ха* ‘яловая корова’ (балаш.), ‘рыба без икры’, а также ‘рыба без икры, не достигшая половой зрелости’ (урал.), *холостцы* ‘тонкий молодой лес’ (орл.), *холостыш* ‘неженатый мужчина, холостяк’ (сев.-зап.), *хóлость* ‘*собир.* неженатые мужчины, незамужние женщины’, *холостьба́* ‘*собир.* неженатые мужчины, холостяки’ (по разным говорам), ‘период холостой жизни’ (олон.), ‘*собир.* о скоте не дающем приплода’ (по разным говорам), ‘птица, не выведшая птенцов’ (якут.) *холостьё* ‘неженатые мужчины, парни’ (олон., перм.), *холостя́вый* ‘неженатый, холостой (о мужчине)’ (алт.) и пр.

Слов подобного рода по данному словарю удалось насчитать 49, среди которых можно заметить значения, предполагающие переход с изменением класса объектов, т.е. не только люди без брачной пары либо, для женщины, без детей, но и что-то другое, что было бы важно для разбираемой задачи. Определение используемых суффиксальных морфов и формируемых на их основе значений представляло бы несомненный, но вместе с этим и несколь-

ко самостоятельный интерес. Самостоятельный не с позиции упоминавшегося парадигматико-концептуального потенциала, а в том отношении, что это образования последующих после первой для корня *хол(о)-* ступени, что требует оговорок и уточнений с точки зрения образующей стороны.

Если вспомнить этимологические определения для *холост(ой)* ‘неженатый’ и *холст* ‘грубое полотно’ как слов от единого корня **хол-*, с различением суффиксов *-st-* для *холост* и *-t-* (*d-t-*) для *холст*, – не безразлично также и то, что в говорах, с опорой на материал словаря, можно встретить слова с не историческим уже корнем *холост-*, имеющие смыслом и образованные как от исходной основы у слова *холст*: *холостя́ник* ‘платье, а также нижняя юбка, рабочий кафтан, *мн.* штаны из домотканого полотна, холста’ (яросл.), *холостя́нки* ‘рукавицы из холста’ (перм.), *холостя́ный* ‘сшитый из домотканого полотна, холста’ (новг.), *холощóвый* ‘изготовленный из домотканого полотна, холста, холщовый’ (арх.), *холощóный* ‘предназначенный для изготовления домотканого полотна, холста; холщовый’ (арх.). Видимо, не случайно такие слова характерны для русского севера, но уточнения данного рода, скорее всего фонетические, никак не входили бы в нашу задачу.

Интерес представляют для рассмотрения, с учетом того, что было отмечено при представлении этимологий на материале нерусского языка⁵ слова типа *холостá* ‘сухие ветки, хворост (?)’, правда, с вопросом, с примером детской считалки *Шла кукушка по мосту, собирала холосту* (хворост?), приведенные ранее *холостцы* (без отмеченного ударения) и, отчасти сюда же, без *-st-*, но с одним из значений для *хол-*, *холудóк* ‘прут, хворостина’ (брян.) и ‘кормысло’ (дон.), *холудьё* ‘мелкий лес, кустарник’ и ‘хворост’ (со ссылкой на Даля), *холужина* (терск.) и *холузина* (морд.) ‘длинный прут, хворостина’, *холудец* ‘палка’ и ‘палка, к которой крепится сеть бредня’ (волжск. и дон.), *холудина* ‘длинная жердь, палка, тонкая жердь, хворостина, прут’ (по разным говорам), а также заставляющие задуматься в поисках объединяющего их корнем⁶ смысла типа *холоумный* ‘умственно отсталый, полумумный’ (калуж., дон.), *холудора* ‘негодный, ничтожный человек’ (ср.-уральск.), *холтомá* ‘ленивый человек, бездельник’ (пск., это значение имеется и у *холуй*, волог.), *холтыга* ‘болтливый человек, пустомеля’ (пск.) и пр.

Обратимся, однако, к значениям у *холстой*. Смысл их рассмотрения будет состоять не только в более или менее понятных соотношениях между ними, на которые следует обратить внимание и их вывести в отношении указанного потенциала (как его очевидный фрагмент), но и в том, что будет

⁵ Ср. чеш. диал. *choluř, choloř*, приведенные в первой статье, а также болг. диал. *хлостина* ‘стебли кукурузы’, *хлостинь* ‘стебли кукурузы после сбора урожая’. (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65).

⁶ Не затрагивая при этом варианты данного корня в виде *хал-* или *шал-* (тем более, что этот второй еще не дождался выпуска *Словаря русских народных говоров*, 51-й (Ход – Хоюшки) последний из опубликованных на сегодняшний день, а 52-й в проекте).

связываться с отнесением этих значений к обозначаемым словом объектам, с тем чтобы, исходя также из этого, установить, в какую сторону и каким образом семантика на примере *холост-* способна себя направлять.

Холостой в словаре отражает выделяемых цифрами 10 значений, в составе которых можно заметить то, что принято определять как оттенки и как словоупотребления. Для предполагаемой задачи то и другое в своем различии не обязательно будет влиять на полученный результат. Поскольку словарь, что естественно, отражает те значения, в данном случае общеупотребительного и литературного, слова, которые по диалектам со значениями этих двух не совпадают, 1-м значением в нем приводится в форме женского рода 'не состоящая в браке, незамужняя', как основное и наиболее (видимо) распространенное, с таким интересным примером на первом месте: *Пошел в монастырь к девкам холостым* (ворон., 1892). Пример, хотя устаревший, но показательно то, что монашки также воспринимались как холостые у носителей диалекта, что трудно бы было представить в отнесении к тем, кто, приняв церковный обет безбрачия (монашество для православных), по социальному статусу в браке не мог состоять.

Далее к этому 1-му сопологаются в качестве оттенка значения со знаком || 'потерявшая мужа, вдовая' (ленингр.) и неотчетливо выделяемое как оттенок (по замечанию составителей) со знаком ♦ 'живущая отдельно от мужа' (разведенная?) (том.). Из чего получается, что холостая – это такая, которая не столько находится и состоит, сколько проживает вне брачного состояния, и это был бы не столько признак ее социального, сколько житейского положения, что будет важно в дальнейшем при обобщении.

Значение 2-е предполагает то, что относится к неженатым и незамужним и может быть для них предназначено. Если обозначить это как проекцию атрибутива безбрачности, то первое будет тогда ее экзистенциональностью, соответственно, *Attr* и *Exist*, развиваясь от общего (*Agam*). Проявляется это 2-е значение, как указано в словаре, в сочетаниях, типа *Холостой налог* (на бездетность), *Холостая песня* (предназначенная неженатому на свадебном гулянье), *Холостой стол* ('угощение на второй день после бракосочетания, на котором присутствуют только холостые мужчины', олон., 1885-198, волог.) (*Словарь русских народных говоров*, 2007, 41, 197), *По холосту жить* (без брака, не принося потомства, хотя такой оборот, скорее, стоило бы отнести к житейскому положению, т.е. не к атрибутиву, а к экзистенционалису для *Agam* значения 1-го).

Значение 3-е определяется в отношении непродуктивности ('не оплодотворенный, не давший потомства'), как для людей в аспекте бесплодия либо бездетности (и тогда холостой налог на бездетность может быть отнесен и сюда), так и домашних животных (о самках), для диких птиц (вне зависимости от пола) и для рыб без икры (о самках), с оттенком для рыбы-самца (сиб., камч., арх.). В широком смысле данный семантический признак мож-

но определять как результатив безбрачности, $Rez(Agam)$, в своем проявлении также и вне $Agam$, как не производящий, $UnProd$, физического либо экзистенциального своего состояния. Физическое, как последующий уровень уточнения, можно относить к экзистенциальному, что в формульном виде выглядело бы $Exist(UnProd) > Phys(UnProd)$.

Значение 4-е, только для мужского рода, 'лишенный способности давать потомство; кастрированный'. И это было бы последующим уточнением признака $Phys(UnProd)$ применительно к смыслу лишения, изъятия, отбирания, таковой способности – $Adempt(PotProd)$, каузирующего по своему характеру действия в отношении признака непродуктивности, что можно выразить в виде $Caus(UnProd)$, с уточняемой разновидностью $Caus(PhysUnProd)$. Приводимый в качестве иллюстрации пример, относящийся к людям (поскольку все остальные предполагают домашних животных, типа *холостой бык* (вол), *баран*, *кот*) «♦ Как баран холостой. Шутл. О молодом человеке, у которого нет девушки. Тут девчонок-то и нету. Парни-от и ходят, как бараны холостые. Красновишер. Перм., 2011» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 213), – необходимо рассматривать в контексте метафорического употребления, с тем же самым значением каузирующего лишения (ре)продуктивной способности: $Adempt(PotProd)$ как $Caus(PhysUnProd)$.

Значение 5-е, соответственно, в известном смысле соотносимое с предыдущим, также предполагает непродуктивность, 'не дающий плодов (о цветке, растении)', но, с распространением на объекты растительные, как культивируемые, так и нет, подобный вид у непродуктивности может быть как не каузируемый: *холостые помидоры* (без завязи, уральск.), *холостая черемуха* – на которой не бывает ягод, *холостой орешник* (вят.), *холостой вереск* (пск.), *холостой брусничник* (о листьях брусники без ягод, омск.). Так и каузируемый: *Некоторые* (люди) *срывают цвет* (огородных растений), *оне холостые* (оренб.); *Холостят*, *срывают светки*, *они холостые бывают*, *не заводят огурчики* (дон.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 213–214).

Отмечаемая смена класса объектов: представители животного мира – растения, – обуславливая смену значений у слова, не изменяет характера признака, который для значения 5-го не во всех и, скорее, вторичных случаях определяется смыслом 'лишенный способности (давать плоды, производить)'. В первичных случаях это будет признак, характеризуемый как 'не обладающий (способностью производить, давать плоды)' либо 'плоды в себе не имеющий'. Указанные, оттеночные по своему существу, разновидности можно рассматривать как проявление разбираемого признака на дальнейших ступенях по уровням уточнения. В представляемых формулах это может быть выражено, соответственно, как 'не продуцирующий, непродуктивный', $UnProd$, – 'не способный производить, не дающий плодов', $Impot(Prod)$, – 'лишенный способности производить, давать плоды', $Caus(ImpotProd)$, либо 'лишенный плодов' $Adempt(Prod)$.

Значение б-е предполагает дальнейшую смену класса объектов, определяясь по словарю как ‘относящийся к жилому или хозяйственному строению, сооружению с какими-л. особенностями его конструкции’, с последующими уточнениями этих особенностей в виде: а) без прокладки мха между бревнами – *холостая житница, холостая стройка, холостой амбар, дам, сруб, хлев*; б) с открытым пространством с боков или сверху (без крыши) – *холостая крыша* (навес, примыкающий к дому или другой постройке), *холостое гумно* (под навесом, под общей крышей с др. хозяйственной постройкой), *холостой баз* (огороженное место, летний загон для скота; такой же загон с крытым помещением в его пределах), *холостой двор* (летний загон для скота), *холостой забор* (забор вокруг усадьбы без хозяйственных построек по его периметру), *холостой хлев* (загородка из досок в пределах скотного двора) || относящийся к деталям, частям построек, в сочетаниях: *холостые брёвна* (последний венец сруба дома, который лежит поверх потолка и его прижимает), *холостой столб* (жилой постройки, без пазов), *холостой угол* (сруб, части сруба в подвале жилого строения).

При отмечаемой по приводимым примерам в оттенках значения детализации естественным образом возникает вопрос, что может все эти случаи объединять, каким может выглядеть тот семантический признак, который, с одной стороны, соотносился бы с предыдущими, а с другой, представлял все в б-м значении указанное в показанных разновидностях, ибо определение ‘относящийся к строению с какими-л. особенностями’ в смысловом отношении не информативно. Важен характер этих особенностей, который видится, как следует из приведенных примеров, в том, что та или иная постройка, строение, сооружение либо их часть, отличается от подобных других, того же вида и рода, в отношении отсутствия какого-либо составляющего либо предполагающего предназначение (для подобных других) элемента.

Тем самым, характер определяемого признака предполагает, во-первых, отличие, от подобных других, которое состоит, и это было бы во-вторых, в отсутствии либо прокладки между формирующими частями строения, либо (предполагая открытость) каких-либо составных частей (стен или крыши, построек периметра), либо, как в случае холостого угла, в отсутствии общего у него с другими подобными назначения. Ср., на основе примера: *Когда уже сруб срубят, потом холостой угол, чтоб не промораживался, там продукты хранятся* (в подвале жилого строения) (карел., 2005) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 215).

Обобщая, можно бы было сказать, что объединяющим признаком будет ‘отсутствие (той или иной) составляющей части (возможно, что представляемой как важная для сооружений подобного типа)’ либо особенность назначения (*холостые брёвна, холостой сруб*), заключающаяся в ‘непривязанности’ к составу всего остального, отдельности, обособленности, т.е.,

фактически, не вхождении в общий состав, ‘внесоставности’ при сопоставлении с другими – бревнами, срубом, которые не холостые.

Отсутствие, о котором речь, соотносится семантически с признаком, определявшимся как лишение, лишенность, и, с учетом того, о чем было сказано в предыдущем абзаце, в формуле это можно было бы выразить как *Absent(Part)*, абсентив партитива, для отсутствия, и *Separ(Part)*, сепаратив партитива, для обособленности.

Говоря о том и другом, об отсутствии в смысле лишения и обособленности по сравнению с другим, небезразличным было бы вспомнить об исходной семантике корня *хол(о)-*, определявшейся по этимологиям в виде общего признака ‘резать, сечь’, ‘рубить’, ‘отделять’, точнее признаков связываемых, один в другой переходящих с концептуально единым для них представлением, расходящемся далее в своих проявлениях.

Применительно к резанию с отделением, лишением вследствие этого чего-то функционально существенного (первоначально физического) и таким же следствием в отделении и обособленности, экзистенциально-ментальной по своему характеру, стоит вспомнить, соотнеся, выражение в русском *отрезанный ломоть*, о человеке, в первую очередь, отделенном и отделившемся, оторванном от своего рода-семьи. Человеке, которого все остальные не признают, который, возможно и часто, сам поставил себя в такое отдельное от других положение. Отрезанность с отделением от всего остального (отсюда *ломоть*), изолированность и связываемая со всем этим нередко лишенность равным образом могут быть концептуально и семантически применимы к *холостому* для человека, на что обращалось внимание в самом начале, и, с изменением класса объектов, но не восприятия, ощущения и представления, к тому, что внутренне нашло свое отражение в *Separ(Part) холостого бревна и сруба*. Остановимся, однако, на этом, не развивая дальнейшие вероятные ходы и продолжения, в отношении, в первую очередь, языкового антропоцентризма, мифологического и не только мифологического соотношения с человеком бревна, человека с бревном, также домом и, видимо, срубом, равно как и чем-то другим. *Холостой* семантических переносов дает материал для размышлений подобного рода.

Значение 7-е по классу объектов близко связано с предыдущим, определяясь как ‘относящийся к холодному строению’: а) к пустующей, нежилой (или временно нежилой) постройке: *холостая хоромина, холостая изба, холостой дом*; б) к жилому неотапливаемому помещению: *холостая горенка*; в) к хозяйственной постройке, не предусматривающей отопления: *холостые здания, холостые строения, холостой погреб* «♦ к хозяйственной постройке за пределом усадьбы: «В отличие от жилых другие строения в говоре называются холостыми. Они расположены за селом или деревней, за огородами» (новг., 1955)» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 215).

Из чего получалось бы также близко связанное с предыдущим, 6-го значения, представление о лишенности и отсутствии – человеческого живого тепла, человеческого наличия, бытия, постоянного нахождения и, вместе с тем, а также как следствие, тепла как такового, поскольку такие постройки, как сказано, холодные и не отапливаемые. Признак, за этим стоящий, поэтому представляется в своих разновидностях как *Absent(Vit)*, *Absent(CalorVit)* либо *Absent(Calor)* – абсентив виталиса (человеческого жития), теплоты живого присутствия, теплоты изначально в себе.

Значение 8-е, ‘лишенный какой-л. добавки, компонента, с каким-л. измененным свойством, качеством’, в сочетаниях: *холостая колоша* (порция засыпаемой в домну плавильной печи смеси без какого-л. важного компонента, уральск., 1953 (выделено мною – П.Ч.), *холостая погода* (время, когда не ловится рыба, хотя дует благоприятный для лова ветер, пск., 1912–1914), *холостое озеро* (с пресной, без соленого привкуса, водой, уральск., оренб.), *холостой ветер* (сивер, северный или юго-восточный осенний ветер, несущий ненастье, арх., селигер.), *холостой кто-л.* (остриженный очень коротко, под гребенку, ряз.), *холостой пирог* (без начинки, смол.), *холостой поезд* (Знач.?), *холостой сунчик* (постный, ничем не заправленный, смол.), *холостой хомут* (без гужей, костром.), *холостой цветок* (не махровый, дон., 1929), *холостой чай* (без сахара и без хлеба или булки, пск., смол., 1917) || Холостой, м., в знач. *суц.* Заряд, не имеющий пули, дроби. *Холостыми заряжены* (перм.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 216).

Представленные словосочетаниями значения, как следует из определения по словарю, подразделяются в двух отношениях – на ‘лишенный’ чего-то по сравнению с другими объектами подобного рода, возможно при этом важного, и этим его от них отличающего (*холостая колоша*, метонимически – *холостая погода*, поскольку без рыб, а также *холостой пирог*, *холостой сунчик*, *холостой хомут*, *холостой чай*, *холостой*, о заряде) и на ‘измененного качества, по причине отсутствия’ у него чего-либо по сравнению с другими (*холостое озеро*, *холостой цветок*). Несколько особняком стоит *холостой* в смысле ‘остриженный очень коротко’, но если понимать это как слишком коротко и потому заметно лишенный на голове волос, то это значение относилось бы к представлению о лишенности. Также как не до конца понятно (опуская *холостой поезд* без определения значения), в каком отношении следует воспринимать *холостой* для *ветер*, который северный или юго-восточный, осенний, несущий ненастье. Если измененного качества по сравнению с другими, то при отсутствии в нем чего? Сомнительно, чтобы хорошей погоды.

Как бы там ни было, но, видимо, все эти случаи, так или иначе, обращаются вокруг абсентива составляющей определяющей части, абсентив партитивного атрибутива, *Absent(PartAttr)*, для первой, наиболее многочисленной, группы; изменяющей качество части, абсентив конвертирующего партитива, *Absent(ConvertPart)*, для группы второй.

Значение 9-е определяется как ‘пустой, свободный, незанятый’: «◇ Холоста́я канава. Канава для спуска воды «мимо мельницы, когда работы нет» (при работающей мельнице она без воды), терск., 1902» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 216). За этим значением, исходя из единственного примера, других примеров словарь не дает, ‘стоит, собственно говоря, для канавы, все то же отсутствие – без воды’. Важно, по-видимому, не столько то, что она свободная и незанятая, а то, что пустая, при том, что канава привычно воспринимается не без воды (сопоставление с другими предметами того же рода и с тем же предметом в другом его состоянии). И тогда это будет все тот же не раз появлявшийся абсентив, на сей раз в отношении наполнения, абсентив не занятой тем, что привычно, а может, положено, пустоты, абсентив атрибутирующего комплетива – *Absent(AttrComplect)*.

И, наконец, 10-е и последнее – ‘неутепленный’ (о предмете одежды): *холостая жакетка, холостые рукавицы* (волог.), – также связывалось бы все с тем же отсутствием как лишенностью, необходимой утепляющей части (ср. подобную неутепленность в разряде построек), с признаком *Absent(AttrCalor)*. Приводимые в качестве дополнения значения с вопросами: «– Доп. (Знач.?). «Приводящий (кто? что?) в хмельной экстаз». Бельск. Смол., Добровольский, 1914. ◇ Холоста́я гребля (?). Дон., Миртов (с вопросом). 1929» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 216), поскольку не получают определения, приходится опустить.

Для того, чтобы представить общую для русскоязычного ареала парадигматико-концептуальную схему, ту внутреннюю модель, которая связывается с семантическим потенциалом, способным производить реализуемые в виде лексико-семантических вариантов, или значений, лексемы, определяемой и представляемой как *холостой*, – для такого более или менее общего моделирующего отображения видится необходимым связать то, что было выведено для диалектов на основе *Словаря русских народных говоров*, с тем, что в самом начале работы было дано на основе МАС как имеющееся в литературном и вместе с тем общеупотребительном языке. Вернемся для этого к тем восьми значениям в МАС, включая специальные и одно разговорное (как оттенок значения), которые, не будучи все же, как получается, общеупотребительными, предстают, с одной стороны, как значения литературного языка, а с другой, в какой-то части своей соотносятся и совпадают с теми, которые определялись как диалектные.

Первым значением, основным и общеупотребительным, также, видимо, и исходным для русского языка было определявшееся как ‘неженатый, не вступивший в брак (о мужчине)’, с *разг.* оттенком ‘незамужняя (о женщине)’. Объединяющим признаком было бы ранее выведенное *Exist(Agam)*, как экзистенциалист безбрачия, в двух своих разновидностях *Exist(AgamMasc)* > *Exist(AgamFemin)*, первое из которых следует определять как ведущее, а второе как от него производное.

Второе значение, метонимическое в отношении первого, ‘состоящий из холостяков’ (*Холостая компания*), определяясь в том смысле, что это некая группа, собрание, коллектив, и при этом мужских представителей (в отношении женщин, поскольку *из холостяков*, трудно было бы говорить как о чем-то употребительном), – это второе значение можно представить как *Congreg(AgamMasc)*, конгрегатив агам-маскулинности, что естественно следовало и связывалось с предыдущим признаком для *Exist*. Имеется, следовательно, в сознании носителей языка представление о существовании кого-то (а также чего-то), в том числе и не единственным образом, в таком либо ином его характеризующем виде, и это признак *Exist*, который далее, распространяясь, связывается представлением о безбрачности, *Agam*, для того или тех, кто мужчины, *Masc*, для того или тех, кто, соответственно, женщины, *Femin*, и то, что *Exist* может быть не только само собой разумеющимся и чаще всего поэтому препозиционным, признаком, но и признаком определяющим, как в разбираемом случае (то, что некто является холостым, есть показатель безбрачного, и при этом экзистенциального, его состояния), предполагает необходимость его отражения при представлении в парадигматико-концептуальной модели.

В дополнение к сказанному, если признак существования, *Exist*, следует определять как имплицитно-актуализируемый (подразумеваемый и эксплицитируемый в характеризующих случаях), а *Masc* и *Femin* как константные и неизменные, то *Agam*, соответственно, будучи признаком состояния, проявляет себя как признак, способный меняться, вариативный, точнее вариабельный.

Третье значение в *MAC*, ‘свойственный неженатому мужчине или незамужней женщине’, определялось бы в отношении ранее появившегося (для 2-го значения в говорах) атрибутива, в виде *Attr(Agam)*, без указания на подразумеваемую экзистенциальность и различия для *Masc* и *Femin*, как равновозможное для одного и другого.

Четвертое значение, с пометой *охот.*, ‘одиночный, не имеющий пары (о животных, птицах)’, не отраженное для говоров как диалектное, поскольку литературное, будет проекцией экзистенциального состояния, близкого к *Agam*, но с ним все же не совпадающего, прежде всего в силу отнесенности к животным и птицам, не людям, и это было бы *Exist(SingulAnimal/Avis)*, либо дифференцированно – *Exist(SingulAnimal)* и *Exist(SingulAvis)*, поскольку то и другое может существовать для сознания также и в разделении. Признак сингулятива существования, *Singul*, такой же, как и *Agam*, т.е. вариабельный, и при этом может быть применим и для класса людей, поэтому важно в характеристике, подчеркнув, отразить отличающие позиции *Animal/Avis*, обе такие же по своей природе константные, как *Masc* и *Femin* в отношении людей.

Пятое значение, *с.-х.*, ‘голощенный’, равно как и оттенки его ‘не оплодотворенный (о самках животных)’, ‘не дающий плодов (о растениях)’ на материале говоров были раньше описаны. И это признаки, определявшиеся

как *Caus(PhysUnProd)*, *Phys(UnProd)* и *Impot(Prod)*, с тем сужающим, но при этом существенным уточнением в отношении классов объектов, для домашних животных, самцов, в виде *Caus(PhysUnProd):Marit(Pec)*, их самок, как *PhysUnProd:Fem(Pec)* и растений – *ImpotProd(Plant)*. Показатели классов как признаки, так же как и для полов, т.е. *Pec*, *Plant*, *Marit*, *Femin*, предстают как константные. Константным будет также физический показатель *Phys*. Признак *Caus* – как вариативно воздействующий, неизменно стабильный (необратимый) при *PhysUnProd*. Способность и неспособность, *Pot* и *Impot*, могут быть как переменными, так и постоянными, равно как и продуктивность, непродуктивность, *Prod* и *UnProd*.

Шестое и седьмое значения ‘не производящий полезной работы, действующий без рабочей нагрузки’, с оттенком ‘осуществляемый транспортом без груза’ и, для 7-го, ‘не боевой (о патронах, зарядах)’ представляют собой отражения общего признака как не ‘действующий предназначенным образом’, ‘лишенный подобной способности’, ‘не функциональный’, в возможных для него разновидностях, как неспособности к функциональному атрибуту в виде *Impot(FuncAttr)* и осуществлению в несвойственном действии – *Act(InAttr)*.

Восьмое значение, с пометой *устар.*, ‘нежилой, пустой (о постройках)’ в говорах уже встретилось, как 7-е в пункте (а), с характеристикой в признаках абсентива виталиса, *Absent(Vit)*.

Итак, имеются концептуальные и затем семантические признаки, укладываемые в соотносительные ряды и связываемые между собой в комбинации, передающие те или иные значения. Ряды эти с признаками можно представить следующим образом (вид и список их могут быть не законченными):

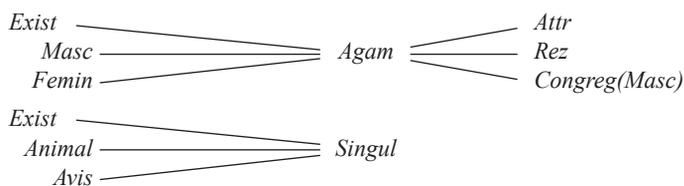
I	II	III	IV	V	VI	VII
<i>Exist</i> <i>Phys</i>	<i>Agam</i> <i>Singul</i>	<i>Masc</i> <i>Femin</i> <i>Pec</i> <i>Animal</i> <i>Avis</i> <i>Plant</i> <i>Marit</i> <i>Fem</i>	<i>Pot</i> <i>Impot</i> <i>Prod</i> <i>UnProd</i>	<i>Part</i>	<i>Vit</i> <i>Calor</i> <i>Attr</i> <i>InAttr</i> <i>Convert</i> <i>Complet</i> <i>Congreg</i>	<i>Caus</i> <i>Rez</i> <i>Func</i> <i>Act</i> <i>Adempt</i> <i>Absent</i> <i>Separ</i>

I ряд, по признакам существования, *Exist*, и физических свойств, *Phys*, можно было бы определять в отношении бытийности, характеризуя это как фактатив, представляя наличие чего-то исходного, данного, неотъемлемого. II ряд, соответственно, по выведенным ранее признакам безбрачия, *Agam*, и одиночности, *Singul*, видится как проявление состояния (стационалис). III – ряд несменяемого в своей естественной данности класса – представителей мужского, *Masc*, и женского полов, *Femin*, для людей (люди также

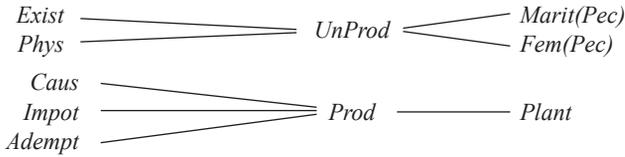
здесь, но в материале были проявлены в виде *Masc/Femin*), домашних, *Pec*, диких животных, *Animal*, птиц, *Avis*, растений, *Plant*, самцов, *Marit*, и самок, *Fem* (рыбы также в этом ряду, но при анализе нами отмечены не были). IV ряд представляет способности (потенциалис), то внутреннее заложенное, которое, будучи принадлежащим чему-л. или кому-л., может в каком-л. отношении себя проявлять – как потенция, а также сила, *Pot*, либо наоборот, *Impot*, продуктивность, *Prod*, либо непродуктивность, *UnProd*. V ряд, состава (партитив) был представлен одним только признаком – части, *Part*. VI и VII ряды соотносятся, как проявленности (VI, проектив) и их оформление (VII, форматив), представляясь, соответственно, в признаках жизни как жителя и, возможно, шире, жизненных проявлений, *Vit*, тепла, *Calor*, принадлежности-свойственности, *Attr*, и наоборот, *InAttr*, изменения-обращения, измененного обращения, *Convert*, полноты, наполненности, *Complet*, объединения, собрания, *Congreg*; каузации, *Caus*, результирования, *Rez*, функциональности, *Func*, действия, *Act*, лишения и ‘лишенности’, *Adempt*, отсутствия, *Absent*, и отделенности, обособленности, *Separ*.

Между признаками в рядах существуют не равные отношения, что в таблице показано с помощью сдвига вправо. Объяснение характера этих неравенств заняло бы немало места, поэтому мы их представление опустим. Те комбинации признаков, о которых ранее шла речь, могут иметь различное оформление. С учетом рассматривавшегося материала их определенность была представлена при анализе. В завершение было бы небезразличным показать их в возможной концептуальной связи, что давало бы, при схематическом построении, основание предполагать стоящую за всем этим парадигматическую модель и концептуальный потенциал, о котором ранее говорилось.

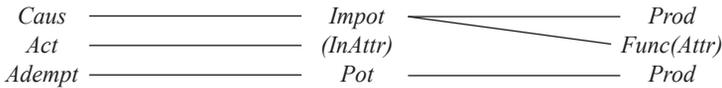
Имеются комбинации группы безбрачия-сингулятива, в материале проявленные в виде *Exist(Agam)*, *Attr(Agam)*, *Rez(Agam)*, *Exist(AgamMasc)*, *Exist(AgamFemin)*, *Congreg(AgamMasc)*, *Exist(SingulAnimal)*, *Exist(SingulAvis)*. Тем самым, *Agam* и *Singul* парадигматически представлялись следующим образом:

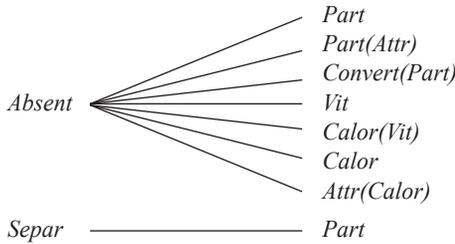
В группе (ре)продуктивности, предполагающей также ее отсутствие для *Exist(UnProd)*, *Phys(UnProd)*, *Caus(UnProd)*, *Caus(PhysUnProd)*, *Caus(PhysUnProd):Marit(Pec)*, *PhysUnProd:Fem(Pec)*, *ImpotProd(Plant)*, *Adempt(Prod)*:

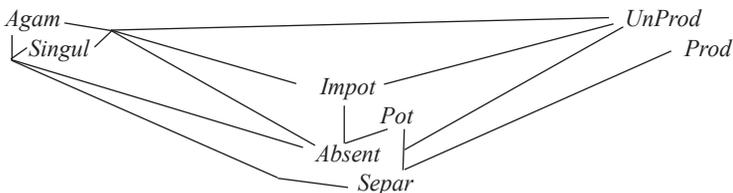
В группе способности / неспособности, в том числе с показателем инатрибутива: *Adempt(PotProd)*, *Impot(Prod)*, *Caus(ImpotProd)*, *Impot(FuncAttr)*, *Act(InAttr)*:

В группе отсутствия, в том числе как лишения или лишенности и, как следствие, отделенности: *Absent(Part)*, *Separ(Part)*, *Absent(PartAttr)*, *Absent(ConvertPart)*, *Absent(Vit)*, *Absent(CalorVit)*, *Absent(Calor)*, *Absent(AttrCalor)*:

Многочисленными и в деривативном, и не только в деривативном отношении более полно представленными оказались группы безбрачия-сингулятива, (не)продуктивности и отсутствия как ‘лишенности’. Менее полную в представлении (не)способность следует, видимо, соотносить с (не)продуктивностью как ее уточняющим проявлением. Концептуальный потенциал и, соответственно, парадигматико-концептуальную схему, или модель, относящуюся к представлениям, покрываемым семантикой русского корня *хол(о)-*, соотносимую с этими представлениями, мотивируемую, формируемую ими и вместе с тем их собой дополняющую, можно выстроить в следующем виде, захватив только центральные, осевые, проекции с предполагаемым подразумеванием распространяющих их левых и правых частей как вводящих и уточняющих:

Представленный в схеме концептуальный фрагмент, релевантный к значениям корня *хол(о)-*, с одной стороны, покрывает то, что можно воспринимать относящимся к русскоязычному ареалу (что следует из словарных отображений, включая его диалекты и литературный язык). С другой, в свою очередь, действует как способность, включая и расширяясь, обозначать и другое, то, что не нашло отражения в словарях. Задумываясь над полученным в результате анализа следствием, возможным видится различие двух сочетающихся и связанных между собой сторон – того, что имеет свое отношение к семантике (корня *хол(о)-* для разбираемого случая), и того, что, будучи концептуально, составляет круг не всегда отчетливо воспринимаемых представлений. Если для первого, в отношении *хол(о)-*, с дополнением суффиксального морфа *-ст-*, в современном языке уже не выделяемого⁷, определяющим было бы представление об *Agam* с соотносимым с ним *Singul* (на вербально осознаваемой поверхности), то для второго, более продуктивного и к тому же пронизывающего собой показатель *Agam*, таким дифференцирующим выразителем был бы признак отсутствия, *Absent*, как недостачи, ‘лишенности’, предполагающих отделенность, *Separ*, отличающую, в продуктивно-потенциальном, в первую очередь, отношении данный объект от других (для разрядов живых существ) и в функционально-действующем для разрядов предметов. Тем самым, при том, что основной и ведущей для русскоязычного материала в отношении *холостой* была бы комбинация *Exist(Agam)*, с точки зрения корня *хол(о)-*, для концептуального потенциала применительно к его (данного корня) семантике положение видится таким образом, что поддерживающим и мотивирующим, за всем этим стоящим, был бы признак следующей из отсутствия и отделенности, ‘срезанной’, с опорой на этимологию и народные представления, недостаточности, ‘лишенности и неполноты’.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бадеева, Е.Я. (2004). *Метонимия имени в общественно-политической лексике английского языка: когнитивный и прагматический аспекты*. Автореферат. Диссертация кандидата филологических наук, доступ: 10.02.2004. Владивосток.
- Гак, В.Г. (1972). *К проблеме общих семантических законов*. В: *Общее и романское языкознание* (151–152). Москва: Издательство Московского университета.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва: Русский язык.
- Рахилина, Е.В., Карпова, О.С., Резникова, Т.И. (2010). *Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг* (396–455). В: *Лингвистика конструкций*, Е.В. Рахилина (отв. ред.). Москва: Азбуковник.

⁷ Другие не выделяемые суффиксы, такие, как *-л-* в *холон*, *-уй-* в *холуй* и пр., в связи с оторванностью этих слов и их производных от *холостой*, не будем учитывать.

- Словарь русских народных говоров*. Вып. 41 (2007), Ф.П. Сороколетов (гл. ред.), О.Д. Кузнецова (ред.), Н.И. Андреева-Васина, Е.В. Колосько, О.Н. Крылова (сост.). Санкт-Петербург: Наука.
- Словарь русских народных говоров*. Вып. 51 (2019), С.А. Мызников (гл. ред.), О.Д. Кузнецова, Р.В. Гайдамашко (ред.), Ю.Ф. Денисенко (сост.). Санкт-Петербург: Наука.
- Срезневский, И.И. (1958). *Материалы для словаря древнерусского языка* (по изд. 1903–1912 гг.). Т. III. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Черных, П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. 3-е изд., стереотипное. Т. I–II. Москва: Русский язык.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. (1981). Вып. 8 (*kha–*jъvьlga), О.Н. Трубачев (ред.). Москва: Наука.

- Badeeva, E. Ya. (2004). *Metonimiya imeni v obshchestvenno-politicheskoi leksike angliiskogo yazyka: kognitivnyi i pragmaticheskii aspekty*. Avtoreferat. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk, dostup: 10.02.2004. Vladivostok.
- Chernykh, P. Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. 3-e izd., stereotipnoe. T. I–II. Moscow: Russkii yazyk.
- Croft, W. (2003). *The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies*, *Cognitive Linguistics*, no. 4, 335–370.
- Dal, V.I. (2000). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. T. 4. Moscow: Russkii yazyk.
- Dirven, R. (2002). *Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation*. In: *Metaphor and Metonymy in comparison and contrast* (75–111), R. Dirven and R. Porings (eds.). Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Dirven, R., Verspoor, M. (1998). *Cognitive exploration of language and linguistics*. Amsterdam; Philadelphia.
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond*. (1981). Vyp. 8 (*kha–*jъvьlga), O.N. Trubachev (red). Moscow: Nauka.
- Gak, V.G. (1972). *K probleme obshchikh semanticheskikh zakonov*. V: *Obshchee i romanskoe yazykoznanie* (151–152). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kövecses, Z., Radden, G. (1998). *Metonymy. Developing a Cognitive Linguistic View*, *Cognitive linguistics*, vol. 9, no. 1, 37–77.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago L.: The University of Chicago Press, XIII.
- Peirsmann, Y., Geeraerts, D. (2006). *Metonymy as a Prototypical category*, *Cognitive Linguistics*, no. 17(3), 269–316.
- Rakhilina, E.V., Karpova, O.S., Reznikova, T.I. (2010). *Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktivnykh: metafora, metonimiya i rebrending*. (396–455). V: *Lingvistika konstruktivnykh*, E.V. Rakhilina (otv. red.). Moscow: Azbukovnik.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 41 (2007), F.P. Sorokoletov (gl. red.), O.D. Kuznetsova (red.), N.I. Andreeva-Vasina, E.V. Kolos'ko, O.N. Krylova (sost.). St. Petersburg: Nauka.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 51 (2019), S.A. Myznikov (gl. red.), O.D. Kuznetsova, R.V. Gaidamashko (red.), Yu.F. Denisenko (sost.). St. Petersburg: Nauka.
- Sreznevskii, I.I. (1958). *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* (po izd. 1903–1912 gg.). T. III. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.
- Ullmann, S. (1963). *Semantic Universals. Universals of Language*. Ed. by J. Greenberg. M. I. T. Cambridge (Mass.).